

И.С. Тургенев

Нахлебник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Нахлебник / И.С. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 39 с.

ISBN 978-5-4241-3092-2

"Любовь сильнее смерти и страха смерти; только ею, только любовью держится и движется жизнь". Эти слова Ивана Сергеевича Тургенева могли бы послужить эпиграфом к его творчеству, да и к его собственной жизни.

Чувством любви - возвышенной и романтической, всеобъемлющей и вечной - пронизаны страницы его лучших произведений, одухотворены его собственные помыслы и поступки.

ISBN 978-5-4241-3092-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© И.С. Тургенев, 2021

Тургенев Иван
Нахлебник

Иван Сергеевич Тургенев
Нахлебник
Комедия в двух действиях
Действие первое

Сцена представляет залу в доме богатого помещика; направо два окна и дверь в сад; налево дверь в гостиную; прямо - в переднюю. Между окнами раздвижной стол, на столе шашечница. Спереди налево другой стол и два кресла. Между гостиной и передней вход в коридор.

ТРЕМБИНСКИЙ (за сценой). Это беспорядок! Я во всем здесь нахожу беспорядок! Это непростительно!... (Входя в сопровождении лакея Петра). Я имею формальное предписание от госпожи! Меня здесь все должны слушаться! (К Петру.) Понимаешь ты меня?

ПЕТР. Слушаю-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Госпожа со своим супругом сегодня приехать изволят... меня вот наперед прислали, - а мы что здесь делаем? Ничего! Чистят ли дорожки в саду?

ПЕТР. Как же-с, чистят-с. С деревни бестягольных нагнали.

ТРЕМБИНСКИЙ (поступает к Петру). Да ты кто?

ПЕТР (с изумлением). Чего изволите-с?

ТРЕМБИНСКИЙ (подступает ближе к Петру). Ты кто, говорят тебе, кто ты?

ПЕТР (с возрастающим изумлением). Я-с?

ТРЕМБИНСКИЙ (подходит к самому носу Петра). Да, ты, ты, ты... Кто ты?

ПЕТР конфузится, глядит на ТРЕМБИНСКОГО и молчит.

ТРЕМБИНСКИЙ. Да говори же, наконец, - тебя я спрашиваю: кто ты такой?

ПЕТР. Я Петр-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Нет, ты лакей - вот ты кто. Дом - твое дело, и лампы чистить - тоже твое дело; а сад - не твое дело. Бестягольных ли нагнали или других там каких-нибудь - это не твое дело. Это дело приказчика. Я тебя не спрашивал; я от тебя ответа не требовал. Твое дело за приказчиком сходить. Вот это - твое дело.

ПЕТР. Да вот они сами сюда идут-с.

Входит ЕГОР из передней.

ТРЕМБИНСКИЙ. А, Егор Алексеич! Очень кстати изволили прийти. Скажите, пожалуйста, вы распорядились там в саду, насчет...

ЕГОР. Распорядился, Нарцыз Константиныч. Не извольте беспокоиться... Табачку не хотите ли?

ТРЕМБИНСКИЙ (берет табак у Егора и нюхает). Вы не поверите, Егор Алексеич, в каких я хлопотах я с утра. Признаюсь вам откровенно, не ожидал я в таком большом имении найти подобные беспорядки! Не по вашей части, разумеется, не по хозяйству - а в доме.

ЕГОР. Та-ак-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Вообразите себе, например, спрашиваю: музыканты имеются? Вы понимаете - надо господ как следует встретить. Говорят мне, имеются. Ну, говорю, подайте их сюда. Что ж вы думаете? Все они, музыканты-то, в разных должностях состоят. Кто огородником, кто сапожником; контрабас за волами ходит. На что это похоже? Инструменты тоже в беспорядке. Насилу кое-как сдлил. (Опять нюхает табак.)

ЕГОР. Хлопотливую должность изволили получить-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Да, смею сказать, не даром хлеб свой ем... А что, музыканты стоят у крыльца?

ЕГОР. Как же, у крыльца. Дождик накрапывать стал - так они было в официантскую забрались: инструменты, говорят, подмочит. Да я их, признаться, выгнал. Ну неравно вестовой прозеваает - господа вдруг пожалуют. А инструменты можно под полой подержать.

ТРЕМБИНСКИЙ. Совершенно справедливо. Кажется, все теперь в порядке.

ЕГОР. Будьте спокойны, Нарцис Константиныч. (Взглядывает на Петра.) Ты что тут торчишь? Ступай-ка вон, на свое место, мой любезный, между прочим... (Петр уходит в переднюю. Из коридора выбегает Маша.) Ишь, ишь, ишь, куда, сударыня, спешите?

МАША. Ах, Егор Алексеич, оставьте! Прасковья Ивановна уж и так затормошила совсем. (Бежит в переднюю.)

ЕГОР (глядит ей вслед, потом оборачивается к Трембинскому и подмигивает глазом. Трембинский ухмыляется). А позвольте узнать, Нарцис Константиныч, который час?

ТРЕМБИНСКИЙ (смотрит на часы). Три четверти одиннадцатого. Того и гляди господа приедут.

Из передней показывается КУЗОВКИН, останавливается, делает кому-то сзади себя за дверью знаки, осторожно входит и пробирается к столу возле окон.

ЕГОР. Пойду сбегая в контору. Староста, наверно, себе бороды не вычесал, а целоваться небось тоже полезет... (Уходя, сталкивается с Кузовкиным.)

КУЗОВКИН. Здравствуйте, Егор Алексеич!

ЕГОР (не без досады). Эх, Василий Семеныч! Не до вас. (Уходит в переднюю. Кузовкин продолжает пробираться к окну.)

ТРЕМБИНСКИЙ (оглядывается и замечает Кузовкина. Про себя). А, этот! (Кузовкин кланяется Трембинскому, Трембинский небрежно кивает головой и говорит ему через плечо.) Ну, что? И вы туда же? Тоже молодых господ встречать собрались?.. а?

КУЗОВКИН. Как же-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Ну что ж, и рады вы? (Не дожидаясь его ответа.) Приоделись?

КУЗОВКИН. Да... то есть...

ТРЕМБИНСКИЙ. Хорошо, хорошо... Вы можете тут в уголку посидеть. (Кузовкин кланяется.) Ах, да! Я и забыл! Петр!.. Петр!.. Петрушка!.. Что это? Никого нет в передней?

ИВАНОВ (до половины высовываясь из передней). Что угодно-с?

ТРЕМБИНСКИЙ (не без удивления). Да позвольте... Вы... каким образом...

КУЗОВКИН (Трембинскому). Сосед... здешний-с... В гости ко мне пришел-с.

ТРЕМБИНСКИЙ (с расстановкою и качая головой). Эх, не время теперь... не место здесь, господа!

ПЕТР выходит из передней мимо самого носа ИВАНОВА. ИВАНОВ прячется.

ТРЕМБИНСКИЙ (Петру). Где ты пропадаешь? Ступай за мной... Я хочу посмотреть - что у тебя там в кабинете... Чай, все не так, как я приказал... Положись-

ка на вас!

Оба уходят в гостиную. КУЗОВКИН остается один.

КУЗОВКИН (после некоторого молчания). Ваня... а Ваня!

ИВАНОВ (из передней, не показываясь). Чего?

КУЗОВКИН. Войди, Ваня, ничего, можно.

ИВАНОВ (медленно входит). Я лучше уйду.

КУЗОВКИН. Нет, останься. Что за беда? Ты ко мне пришел. Вот поди сюда.

Вот тут сядь-ка. Это вот мой угол.

ИВАНОВ. Пойдем лучше в твою комнату.

КУЗОВКИН. В мою комнату нам теперь идти нельзя. Там теперь белье разбирают... Перин тоже много нанесли. Да здесь чем худо?

ИВАНОВ. Нет, я лучше домой пойду.

КУЗОВКИН. Нет, Ваня, ты останься. Сядь-ка вот тут, ся-ядь. И я сяду. (Кузовкин садится.) Наши вот сейчас приедут. Посмотри на них.

ИВАНОВ. Чего смотреть.

КУЗОВКИН. Как чего смотреть? Ольга-то Петровна в Петербурге замуж вышла. Каков-то у нее муженек? Ну, да и ее мы с тобой давно не видали. Шесть лет с лишком. Сядь.

ИВАНОВ. Да что, Василий Семеныч, право...

КУЗОВКИН. Сядь, сядь, говорят. Ты не смотри на то, что новый дворецкий кричит. Бог с ним совсем! Он ведь для этого приставлен.

ИВАНОВ. Ольга-то Петровна, чай, за богатого вышла? (Садится.)

КУЗОВКИН. Не знаю, Ваня, как тебе сказать, а чиновник, говорят, важный. Ну, Ольге Петровне так и следовало. Не век же ей было со своей теткой жить.

ИВАНОВ. А как бы, Василий Семеныч, новый-то барин нас с тобою не выгнал.

КУЗОВКИН. А зачем ему нас выгнать?

ИВАНОВ. То есть я про тебя говорю.

КУЗОВКИН (со вздохом). Знаю, Ваня, знаю. Ты, брат, что ни говори, все-таки помещик. А на меня и платье-то не из целого кроят. Все с чужого плеча. А все-таки новый барин меня не выгонит. Покойный барин - и тот меня не выгнал... А уж на что был сердит.

ИВАНОВ. Да ты, Василий Семеныч, петербургских молодцов не знаешь.

КУЗОВКИН. А что, Иван Кузьмич, разве они... того?

ИВАНОВ. Просто, говорят, беда! Я их тоже не знаю, а слышал.

КУЗОВКИН (после минутного молчания). Ну, посмотрим. Я на Ольгу Петровну надеюсь. Она не выдаст.

ИВАНОВ. Не выдаст! Да она, чай, и забыла тебя совсем. Ведь она отсюда, после смерти покойной матушки своей, - с теткой-то со своей, - ребенком выехала. Что ей? И четырнадцати лет не было. Ты с ней в куклы игрывал велико дело! Она и не посмотрит на тебя.

КУЗОВКИН. Ну нет, Ваня.

ИВАНОВ. Вот увидишь.

КУЗОВКИН. Ну полно же, Ваня, пожалуйста.

ИВАНОВ. Да вот увидишь, Василий Семеныч.

КУЗОВКИН. Право, Ваня, перестань... сыграем-ка лучше в шашки... А? Как по-твоему? (Иванов молчит.) Что так сидеть-то? Давай-ка, брат, давай. (Берет

шашечницу и расставляет шашки.)

ИВАНОВ (тоже расставляя шашки). Нашел время, нечего сказать. Дворецкий позволит тебе, как же!

КУЗОВКИН. А мы разве кому мешаем?

ИВАНОВ. Да господа сейчас приедут.

КУЗОВКИН. Господа приедут - мы бросим. В правой или в левой?

ИВАНОВ. Уж прогонят нас с тобой, Василий Семеныч, вот увидишь. В левой. Тебе начинать.

КУЗОВКИН. Мне... Я, брат, сегодня вот как начинаю.

ИВАНОВ. Вишь, что вздумал. А я вот как.

КУЗОВКИН. А я сюда.

ИВАНОВ. А я сюда.

Вдруг в передней поднимается шум, крики: "Едут! Едут! Нарцыс Коскенкиных! Едут!.." КУЗОВКИН и ИВАНОВ вскакивают.

КУЗОВКИН (в большом волнении). Едут? Едут?

Из гостиной раздается голос ТРЕМБИНСКОГО: "Что такое? Господа господа едут?" Он вместе с ПЕТРОМ выбегает из гостиной.

ТРЕМБИНСКИЙ (кричит). Музыканты! Музыканты по местам!

Убегает в переднюю; ПЕТР за ним. Из коридора выскакивает МАША.

МАША. Господа едут?

КУЗОВКИН. Едут, едут.

ИВАНОВ с тоской забивается в угол. МАША бежит в коридор с криком "Едут!". Через мгновение из коридора вырывается ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, а из передней ТРЕМБИНСКИЙ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Едут?

ТРЕМБИНСКИЙ. Девоч зовите сюда, девоч!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (кричит в коридор). Девки! Девки!

ЕГОР (выбегая из передней). А где ж хлеб-соль, Нарцыс Константиныч?

ТРЕМБИНСКИЙ (кричит во все горло). Петр! Петр! Хлеб-соль! Где хлеб-соль?

Вбегает ПЕТР, у него в руках блюдо с огромным кренделем и солонкой.

ТРЕМБИНСКИЙ (вырывает у Петра блюдо и передает его на руки Егору). Это вам... Ступайте на крыльцо, ступайте.

Выталкивает его вон вместе с ПЕТРОМ и ПРАСКОВЬЕЙ ИВАНОВНОЙ, бежит за ним и кричит в передней: "А люди-то где?.. людей сюда!"

ГОЛОС ТРЕМБИНСКОГО. Молчать теперь, молчать!

Воцаряется глубокое молчание. КУЗОВКИН, который во все время тревоги находился в большом волнении, но почти не сходил с места, с жадностью прислушивается. Вдруг музыка начинает фальшиво играть: "Гром победы, раздавайся..." Карета подъезжает к крыльцу, раздается говор, музыка умолкает. Слышны лобызанья... Через мгновение входят ОЛЬГА ПЕТРОВНА, ее муж, у него в одной руке крендель; за ними ТРЕМБИНСКИЙ, ЕГОР с блюдом, ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА и дворня, которая, однако, останавливается в дверях.

ОЛЬГА (с улыбкой мужу). Ну вот, мы дома, наконец, Польш. (Елецкий жмет ей руку.) Как я рада! (Обращается к дворовым.) Благодарствуйте, благодарствуйте! (Указывая на Елецкого.) Вот вам ваш новый господин... Прошу любить и жаловать. (К мужу.) Rendez cela, mon ami. (Елецкий отдает крендель Егору.)

ТРЕМБИНСКИЙ (наклонив всю верхнюю часть тела). Не угодно ли будет что приказать... покушать... или, может быть, чаю...

ОЛЬГА. Нет, благодарствуйте, после. (К мужу.) Я хочу показать тебе весь наш дом, твой кабинет... Я целых семь лет здесь не была... семь лет!

ЕЛЕЦКИЙ. Покажи.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (принимая с рук Ольги шляпу и мантилью). Матушка вы наша, голубушка...

ОЛЬГА (улыбается ей в ответ и глядит кругом). А постарел наш дом... и комнаты мне меньше кажутся.

ЕЛЕЦКИЙ (голосом ласкового наставника). Это всегда так кажется. Ты отсюда ребенком выехала.

КУЗОВКИН (который все время глаз не спускал с Ольги, подходит к ней). Ольга Петровна, позвольте... (Голос у него прерывается.)

ОЛЬГА (сперва не узнает его). А... ах, Василий... Василий Петрович, как ваше здоровье? Я вас и не узнала сперва.

КУЗОВКИН (целует у ней руку). Позвольте... поздравить...

ОЛЬГА (мужу, указывая на Кузовкина). Старый наш приятель, Василий Петрович...

ЕЛЕЦКИЙ (кланяется). Очень рад.

ИВАНОВ издали тоже кланяется, хотя его еще не заметили.

КУЗОВКИН (кланяется Елецкому). С приездом... Мы все... так рады...

ЕЛЕЦКИЙ (кланяется ему еще раз, и вполголоса жене). Кто это?

ОЛЬГА (тоже вполголоса). Бедный дворянин, у нас в доме проживает. (Громко.) Ну, пойдем, я тебе хочу весь дом показать... Я здесь родилась, Польша, я здесь выросла...

ЕЛЕЦКИЙ. Пойдем, с удовольствием... (Обращаясь к Трембинскому.) А вы, пожалуйста, прикажите моему камердинеру... вещи там мои...

ТРЕМБИНСКИЙ (торопливо). Слушаю, слушаю-с.

ОЛЬГА. Пойдем же, Польша. (Оба идут в гостиную.)

ТРЕМБИНСКИЙ (ко всей дворне, вполголоса). Ну, друзья мои, ступайте теперь по местам. Вы, Егор Алексеич, останьтесь в передней - неравно барин спросит.

ЕГОР и дворовые уходят в переднюю, ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА с горничными в коридор.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (в дверях). Идите, идите... Да ты, Машка, чего смеешься? (Уходит.)

ТРЕМБИНСКИЙ (к Кузовкину и Иванову). А вы, господа, здесь останетесь, что ли?

КУЗОВКИН. Мы здесь останемся.

ТРЕМБИНСКИЙ. Ну хорошо... Только, пожалуйста, вы знаете... (Делает знаки руками.) Ради бога... а то ведь с нас же взыщут... (Уходит на цыпочках в переднюю.)

КУЗОВКИН (глядит ему вслед и быстро обращается к Иванову). А, Ваня, какова? Нет, скажи, какова? Как выросла, а? Красавица какая стала? И меня не забыла. А видишь, Ваня, видишь: выходит - я прав.

ИВАНОВ. Не забыла... А зачем же она тебя Василием Петровичем-то величает?

КУЗОВКИН. Экой ты, Ваня! Ну, что ж тут такое - Петрович, Семеныч, ну, не все ли равно; ну, сам посуди, ты ведь умный человек. Мужу своему меня представила. Видный мужчина! Молодец! И лицо такое... О, да он, должно быть, чиновный человек! Как ты думаешь, Ваня?

ИВАНОВ. Не знаю, Василий Семеныч. Я вот лучше уйду.

КУЗОВКИН. Экой ты, Ваня! Да что с тобой сделалось? На себя, ей-богу, не похож. Уйду да уйду. Ты лучше мне скажи, какова тебе наша молодая показалась?

ИВАНОВ. Хороша, что ж, я не говорю.

КУЗОВКИН. Улыбка одна чего стоит... А голос, а? Малиновка, просто, канарейка. И мужа своего любит. Это сейчас видно. А, Ваня? Ведь видно?

ИВАНОВ. Господь их знает, Василий Семеныч.

КУЗОВКИН. Грешно тебе, Иван Кузьмич, ей-богу грешно. Человеку весело, - а ты... Да вот они опять сюда идут.

Входят ОЛЬГА и ЕЛЕЦКИЙ из гостиной.

ОЛЬГА. Не велик наш дом, как видишь. Чем богаты, тем и рады.

ЕЛЕЦКИЙ. Помилуй, прекрасный дом; превосходно расположен.

ОЛЬГА. Ну, теперь пойдем в сад.

ЕЛЕЦКИЙ. С удовольствием... а впрочем... мне бы хотелось слова два переговорить с твоим управляющим.

ОЛЬГА (с упреком). С твоим?

ЕЛЕЦКИЙ (с улыбкой). С нашим. (Целует у ней руку.)

ОЛЬГА. Ну, как хочешь. Я вот с собой Василья Петровича возьму. Василий Петрович, пойдемте в сад... Хотите?

КУЗОВКИН (С сияющим от удовольствия лицом). Помилуйте... я... я...

ЕЛЕЦКИЙ. Надень шляпу, Оля.

ОЛЬГА. Не нужно. (Накидывает шарф на голову.) Пойдемте, Василий Петрович.

КУЗОВКИН. Позвольте, Ольга Петровна, представить вам одного... тоже... здешнего соседа, Иванова...

ИВАН КУЗЬМИЧ конфузится и кланяется.

ОЛЬГА. Очень рада. (К Иванову.) Угодно вам идти с нами в сад? (Иванов кланяется.) Дайте мне вашу руку, Василий Петрович...

КУЗОВКИН (не веря ушам). Как-с...

ОЛЬГА (смеясь). Да вот так. (Берет его руку и продевает свою.) Помните ли вы, Василий Петрович... (Уходят в стеклянную дверь. Иванов идет за ними.)

ЕЛЕЦКИЙ (подходит к стеклянной двери, глядит вслед жене, возвращается к столу налево и садится). Эй! Кто там? Человек!

ПЕТР (выходя из передней). Чего изволите-с?

ЕЛЕЦКИЙ. Как тебя зовут, любезный?

ПЕТР. Петром-с.

ЕЛЕЦКИЙ. А! Ну, так позови же мне управляющего - как бишь его зовут Егором, что ли?

ПЕТР. Точно так-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Позови-ка его.

ПЕТР уходит. Спустя мгновение входит Егор, останавливается у дверей и складывает руки за спину.

ЕЛЕЦКИЙ (голосом начальника отделения). Егор, я намерен осмотреть завтра имение Ольги Петровны.

ЕГОР. Слушаю-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Много здесь душ?

ЕГОР. В селе Тимофеевском триста восемьдесят четыре мужеска пола, по ревизии. Налицо больше...

ЕЛЕЦКИЙ (глядит на Егора с некоторым недоумением). Гм.... А удобной земли много?

ЕГОР. Достаточно-с. Двести семьдесят пять десятин в клину.

ЕЛЕЦКИЙ (опять с недоумением глядит на Егора). А неудобной сколько?

ЕГОР (с некоторой расстановкой). Как вам доложить-с.... Под кустарниками... овраги тоже есть.... Ну, да вот под усадьбой... выгон тоже. (Оправившись.) Под покос идет-с.

ЕЛЕЦКИЙ (играя бровями). А сколько именно?

ЕГОР. Да кто ее знает-с. Земля не мерянная. Разве на плане означено. Десятин, пожалуй, что, пятьдесят набежит.

ЕЛЕЦКИЙ (про себя). Все это беспорядки. (Громко.) А лес есть?

ЕГОР. Двадцать восемь десятин-с с осьминником.

ЕЛЕЦКИЙ (громко с расстановкой). Стало быть, всего десятин эдак с пятьсот имеется?

ЕГОР. С пятьсот-с? За две тысячи наберется.

ЕЛЕЦКИЙ. Как же ты сам... (Остановливается.) Да... да... я... я так и хотел сказать. Понимаешь?

ЕГОР. Слушаю-с.

ЕЛЕЦКИЙ (Весьма серьезно). Ну, а что, здешние мужики хорошо себя ведут? Смирны?

ЕГОР. Народ хороший-с. Острастку любит-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Гм.... Ну и не разорены?

ЕГОР. Как можно-с! Никак нет-с. Много довольны.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, я это все сам завтра разберу. Можешь идти. Да, скажи, пожалуйста, что это за господин тут живет - кто он такой?

ЕГОР. Кузовкин, Василий Семеныч, дворянин. На хлебах-с проживает. Еще со времен старого барина. Они их, можно сказать, для потехи при себе держали.

ЕЛЕЦКИЙ. И давно он здесь живет?

ЕГОР. Давно-с. Со смерти старого барина двадцатый год пошел, а Василий Семеныч-то еще при жизни покойника у нас поселился.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, хорошо.... А что - у вас контора ведь есть?

ЕГОР. Как без конторы быть-с...

ЕЛЕЦКИЙ. Это я все завтра осматрю. Ступай. (Егор уходит.) А этот управляющий, кажется, глуп. Впрочем, увидим. (Встает и прохаживается.) Вот я и в деревне - у себя в деревне. Странно как-то. А хорошо.

В передней раздается голос ТРОПАЧЕВА: "Приехали?" Сегодня?"

ЕЛЕЦКИЙ (про себя). Кто это?

ПЕТР (входя из передней). Тропачев, Флегонт Александрыч, приехали-с. Желают вас видеть-с... Что прикажете доложить-с?

ЕЛЕЦКИЙ (про себя). Кто бишь это такой... Знакомое имя. (Громко.) Приси.

ТРОПАЧЕВ (входит). Здравствуйте, Павел Николаич, bonjour. (Елецкий кланяется с заметным недоумением.) Вы меня как будто не узнаете.... Помните, в Петербурге, у графа Купцова...

ЕЛЕЦКИЙ. Ах, точно... милости просим, я очень рад... (Жмет ему руку.)

ТРОПАЧЕВ. Я ваш ближайший сосед. Живу в двух верстах отсюда. В город езжу мимо самого вашего дома. Я знал, что вас ожидали.... Дай, думаю, заеду, справлюсь сегодня. Но если я не вовремя приехал, вы мне, пожалуйста, скажите. Entre gens comme il fault - вы понимаете, - что за церемонии!

ЕЛЕЦКИЙ. Напротив, - я надеюсь, что вы останетесь обедать у нас... хотя я не знаю, что нам приготовил наш деревенский повар.

ТРОПАЧЕВ (рисуюсь и играя палкой). О, боже мой, я знаю, у вас все на большой ноге. Вы, я надеюсь, сделаете мне тоже честь отобедать на днях у меня... Вы не поверите, как я рад вашему приезду. Здесь так мало порядочных людей, des gens comme il fault. - Et madame? Как ее здоровье? Я знал ее ребенком. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю вас, Павел Николаич, от души поздравляю. Хе-хе. Но она, вероятно, меня несколько не помнит. (Опять рисуется и гладит бакенбарды.)

ЕЛЕЦКИЙ. Она будет очень рада... Она пошла гулять в сад с этим... с этим господином, который здесь проживает.

ТРОПАЧЕВ (с пренебрежением). А - с этим! Ведь это, кажется, нечто вроде шута.... А впрочем, человек он смиренный. Кстати, со мной другой дворянин приехал... Он там в передней... Вы позволите?

ЕЛЕЦКИЙ. Сделайте одолжение.... Как же в передней...

ТРОПАЧЕВ. Oh, ne faites pas attention. Это так; это... это ничего. Также по бедности у меня проживает. Ездит со мной.... Одному, знаете, в дороге скучно. Пожалуйста, не беспокойтесь... je vous en prie. (Подходит к передней.) Карпачов! Войди, братец. (Карпачов выходит и кланяется.) Вот-с, Павел Николаич, рекомендую-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Я очень рад.

ТРОПАЧЕВ (берет Елецкого под руку и тихонько отворачивает его от Карпачова, который скромно отходит в сторонку). C'est bien, c'est bien. Надолго вы у нас поселились, Павел Николаич?

ЕЛЕЦКИЙ. Я взял трехмесячный отпуск. (Оба начинают ходить взад и вперед.)

ТРОПАЧЕВ. Мало... мало. Ну, я понимаю, вам нельзя было больше. И то, я думаю, вас с трудом отпустили. Хе-хе. Надо вам отдохнуть. Что, вы охоту любите?

ЕЛЕЦКИЙ. Я отроду ружья в руки не брал....Однако перед отъездом купил себе собаку. А что, здесь много дичи?

ТРОПАЧЕВ. Есть, есть. Это уж, если вы позволите, я на себя возьму. Мы из вас сделаем охотника. (К Карпачову.) Что, у нас в Малиннике выводки есть?

КАРПАЧОВ (из угла басом). Два выводка, - а в Каменной Гряде три.

ТРОПАЧЕВ. А, хорошо!

КАРПАЧОВ. Федул-лесник тоже намедни сказывал, что в Горелом...

Из сада входит ОЛЬГА с КУЗОВКИНЫМ и ИВАНОВЫМ. КАРПАЧОВ умолкает и кланяется.